

По Александру Беку ЦРУ изучало психологию наших командиров

В издательстве «Русская книга» выходит переиздание «Волоколамского шоссе» Александра Бека — одного из самых правдивых произведений о Великой Отечественной войне. Предисловие написано дочерью писателя Татьяной Бек — поэтом, литературоведом и критиком. В нашей беседе — то, что осталось за рамками предисловия.

Ирина КОРНЕЕВА

— Татьяна Александровна, писать об отце, да и вообще о родственниках, наверное, тяжелее, чем о ком бы то ни было?

— Когда мне позвонил главный редактор «Русской книги» и сказал, что мэрия выделила деньги на издание книг о войне и были отобраны Бек, Твардовский и Ольга Берггольц, они стали настаивать, чтобы у Бека было именно мое предисловие. Вначале я боялась, что не смогу найти нужную интонацию. Писать о творчестве отца как о каком-то постороннем материале было бы фальшиво. Все знают, что я дочь и фамилия у меня — Бек. Вместе с тем впадать в «интимность» тоже не хотелось. Я старалась в меру включить мемуарное начало, личное и не отчуждаться от отца, не писать о нем, как я писала бы, например, об Андрее Платонове. Кажется, это удалось.

— «Волоколамское шоссе» ваш отец ведь писал дважды — первую рукопись он поте-

рял. При каких обстоятельствах?

— Он жил за городом в Быкове и поехал в Москву на электричке. Отец был скромным человеком, а тут сам себя ощущал чуть ли ни гением — у любого писателя так бывает, — знал, что «Волоколамское шоссе» будет его огромным успехом. И он ехал в редакцию сказать, как идет дело. А его первая жена — Лидия Петровна Тоом — замечательная женщина, большую роль сыграла в его профессиональной жизни, так вот она его сильно опекала, поскольку отец был страшно рассеянный и близорукий. Собирая его в обратную дорогу, она дала ему бидон с супом и раз сто повторила: только не забудь бидон. И он так сосредоточился на этом бидоне, что суп довел, а сложенные в вещмешок материалы к «Волоколамскому шоссе» и почти законченную рукопись — забыл в электричке. Ничего потом найти не удалось. И не было тогда компьютеров, все в единственном экземпляре существовало.

Несколько дней он пил в Доме литераторов. Что-то бормотал, плакал, кричал, что он идиот. Но потом взял себя в руки и даже уговорил, что это все к лучшему и сама судьба распорядилась оторвать его от документальности, мобилизовать воображение.

И Бек, как писала Ахматова: «Не дай вам Бог проснуться знаменитым», однажды проснулся знаменитым. В 43—44-м годах книга имела такой успех, какой мало кому снился. Только «Жди меня» Симонова может сравниться, — так же передавалась из рук в руки.

— В издании 2000 года есть страницы, ранее не публиковавшиеся?

— В предисловии я привожу большой фрагмент из черновика Александра Бека, для широкого читателя не известный. О том, как он сомневался, нужна ли вообще его книга, потому что во время войны литература настолько была ура-патриотической и ангажированной, а он хотел написать правду о трагическом начале войны, о том, как мы были не готовы и какой это нам далось страшной кровью.

— Дневники он вел?

— Он больше любил эпистолярный жанр, и эта переписка легла в основу книги «Почтовая проза». А после войны он уже стал гораздо известнее, жил или в Москве, или в ближнем Подмосковье в домах творчества, и перешел на телефонные разговоры со своими близкими. Такого эпистолярия обширного у него уже не было.

Поэтому параллельно тому, как он писал «Новое назначение» и боролся за публикацию с цензурой, он вел профессиональный дневник, назвав его «Роман о романе». («Новое назначение» на родине писателя вышло в свет только через 14 лет после его смерти. — И.К.) Цензура все-таки победила, и отец, чтобы не сойти с ума от обиды, что такую его сильную вещь не печатают, стал составлять трагикомическую хронику: что ему говорит цензура, как его мучают прототипы. Три раза у него «Новое назначение» набирали, до верстки дело доходило, и три раза цензура ее выкидывала. На него писали доносы, прототипы говорили, что он их оклеветал, но отец держался. Он, как я уже говорила, был человеком скромным, не раздувал из этого никакую трагедию, но внутренне очень глубоко страдал. И умер он в 69 лет, как врачи сказали, от стресса — он был вполне здоровым человеком. Трудно, конечно, сказать, от чего человек умирает, но мой отец ушел из жизни в состоянии глубочайшей обиды и разочарования.

— Вы не пробовали подсчитать, сколько переизданий выдержала книга «Волоколамское шоссе»?

— Точно могут сказать только в книжной палате. Я думаю — несколько десятков. Раньше роман выходил во всех республиках, есть даже переводы на молдавский и грузинский. Еще эта книга популярна в Германии, хотя она — о победе советской армии над немецкой, но немцы признали ее правду. В Мюнхене даже на сцене их центрального театра много лет идет инсценировка по «Волоколамскому шоссе». В Израиле книгу любят, в Тель-Авиве улица есть под названием «Волоколамское шоссе». А в Китае ее выдавали солдатам и офицерам как армейский учебник как воевать. Она настолько объективна, что в ЦРУ по ней изучали психологию советского командира.

Генерал И. Панфилов (слева) на Волоколамском направлении. 1941 год